

УДК 316.34/.35:316.334.3

ББК 60.54+66.3(0),4

DOI 10.22394/1682-2358-2022-5-133-142

Е.В. Князькова, post-graduate student at the History, Political Science and Public Policy Department, Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

YOUTH DESTRUCTIVE SUBCULTURES AS A FACTOR IN FORMING POLITICAL EXTREMISM IN MODERN RUSSIA

The possibility of influencing the development and reproduction of extremist manifestations of such a phenomenon as destructive youth subcultures is analyzed. The necessity of adjusting the ideological and political content of the state youth policy of the Russian Federation in order to create effective ideological and regulatory barriers to counter political extremism in the youth environment, is argued.

Key words and word-combinations: youth, political process, political extremism, youth subculture, destructive subculture.

Е.В. Князькова, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: knyazkova.kv@yandex.ru)

МОЛОДЕЖНЫЕ ДЕСТРУКТИВНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Анализируется возможность влияния на развитие и воспроизводство экстремистских проявлений такого феномена, как деструктивные молодежные субкультуры. Аргументируется необходимость корректировки идейно-политического содержания государственной молодежной политики Российской Федерации в целях создания действенных идеологических и нормативно-правовых барьеров противодействия политическому экстремизму в молодежной среде.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, политический процесс, политический экстремизм, молодежная субкультура, деструктивная субкультура.

Современная социально-политическая ситуация в Российской Федерации актуализирует необходимость модернизации научных представлений о стратегии противодействия политическому

экстремизму в стране. В отечественной политологии продолжает активно изучаться проблема идентификации социальной базы воспроизводства экстремистских проявлений с корректировкой теоретико-методологической основы противодействия политическому радикализму, соответствующей XXI столетию. В научных представлениях и экспертных оценках общезначимым является признание особой опасности развития экстремистских проявлений за счет вовлечения в неконвенциональные формы политической борьбы различных категорий молодежи.

Экстремизм сегодня стал одним из наиболее опасных типов политического радикализма, причем его вредоносное воздействие угрожает всем компонентам и составным частям национальной безопасности — личности, обществу, государству. Очевидно, что на фоне эскалации конфликтности всей системы общественных отношений в условиях нового мирового порядка экстремизм аккумулирует в себе последствия политических рисков и кризисов. Экстремизм в политике — это не только проблема конкретных суверенных государств, но и вызов глобального масштаба. Как известно, наиболее устойчивые террористические группировки и экстремистские организации обладают транснациональным характером и распространяют свое влияние в международном масштабе.

Новой тенденцией XXI столетия является взрывное распространение экстремизма в тех политических системах, которые еще недавно относились исследователями к типам либеральных демократий. Показательно, как на протяжении 2019—2022 гг. экстремистские проявления стали неотъемлемой чертой политического процесса в государствах, претендующих на статус лидеров современного демократического транзита. Многолетние протесты движения «желтых жилетов» во Франции, панъевропейские волнения так называемых «антиваксеров», парализация практически всей системы обеспечения правопорядка США радикалами из сообщества БЛМ служат наглядным свидетельством сохранения и воспроизводства экстремизма и его преобразования в один из ключевых факторов политических отношений в постиндустриальном обществе. Характерно, что идейным базисом новой волны экстремизма все чаще становятся не только классические идеологические доктрины ультралевого, крайне правого толка, догматы религиозных фанатиков, как это было в XX — начале XXI в. В наши дни идеология экстремизма приобретает комплексный, эклектический характер.

Во-первых, приверженцы полярных радикальных идейно-политических платформ нередко выстраивают, если не тесное сотрудничество,

то ситуативное взаимодействие между собой. Особенно показательны в этом отношении действия «желтых жилетов» во Франции или акции противников антиковидных ограничений в странах Европы и Северной Америки [1].

Во-вторых, идейно-политический фундамент политического экстремизма стал восполняться за счет многочисленных течений либерального формата. По мнению К.С. Гаджиева, мировоззренческой основой массовых экстремистских проявлений в США в период 2019—2022 гг. выступает так называемый «обратный расизм», представляющий собой крайнее выражение идейной доктрины политкорректности [2], что дополняется радикализацией идейных установок в рамках различных вариаций «новых человеческих» ценностей — таких, как «гендерный активизм», феминизм, антисексизм, экологизм. Происходит политизация прежде внешне аполитичных течений общественной мысли, поскольку их последователи, а это в большинстве своем молодые люди, переходят к регулярному давлению на публичную власть, осуществляют активное проникновение в существующие властные институты и выражают нетерпимость к тем социальным сообществам и индивидам, что отстаивают ценности традиционного общественного уклада.

В-третьих, происходит модификация политического экстремизма за счет интеграции его с такими феноменами, как милитаризм и международный терроризм [3]. Характерной тенденцией постбиполярности стал симбиоз и взаимное проникновение милитаризации политики и террористической активности. В итоге политические радикалы на постоянной основе используют риторику, атрибутику и методы пропаганды, заимствованные из арсенала военного искусства. Одной из главных задач вдохновителей политического экстремизма является моральное оправдание террористических и других антигуманных действий за счет уподобления таковых легальной вооруженной борьбе. Подобным образом происходила и индокринация идей этнического национализма и неонацизма в постсоветское украинское общество, когда в качестве мифических «национальных героев» в сознание молодежи навязывались персоны террористов и гитлеровских коллаборационистов.

В-четвертых, в ряде современных государств происходит сближение некоторых политических элит с приверженцами экстремистских идеологических воззрений. Такое развитие событий отличает и политический процесс в развитых постиндустриальных государствах, и политическую борьбу в развивающихся странах с авторитарными или переходными правящими режимами. Если для последних

манипулирование многочисленными военизированными группировками — клановыми, племенными, преступными, остается почти обязательным приемом борьбы за обладание за властные полномочия, то в демократических государствах уважаемые акторы стали обращаться к сотрудничеству с маргинальными сообществами только в постбиполярную эпоху. Типичным примером служит покровительство со стороны Демократической партии США по отношению к экстремистам — адептам воззрений «обратного расизма».

Из изложенного можно сделать вывод, что политическая версия экстремизма по-прежнему выражается в нацеленности на дестабилизацию традиционных и устоявшихся социальных структур и властных институтов. Для этого широко практикуется манипулирование, демагогия, пропаганда насилия в отношении социальных, расовых и этноконфессиональных сообществ, представителей публичной власти. Описанная методика социальных взаимодействий опирается на бескомпромиссность, отрицание равенства идейных оппонентов и отказ признать их право на альтернативную политическую позицию. В свою очередь, по отношению к участникам экстремистских сообществ действуют правила беспрекословного повиновения лидерам, основанные на стирании индивидуальных особенностей неопитов радикальных группировок. Несмотря на происходящие изменения, сохраняются такие типичные признаки экстремистской активности, как информационно-психологическое воздействие на индивидуальное и массовое сознание, стимуляция аффективных настроений, обращение к предрассудкам и стереотипам политической культуры.

Следовательно, существенной проблемой международной и национальной безопасности в ближайшей перспективе будет оставаться восполнение, а возможно, и расширение социальной базы политического экстремизма как в международном, так и в национальном масштабе. С большой долей вероятности в орбиту экстремистских проявлений могут быть вовлечены представители молодежных субкультур, ранее не отмеченных в качестве приверженцев идеологий политического насилия. Исходя из этого, перед руководством и экспертным сообществом Российской Федерации возникают задачи модернизации доктринального обеспечения противодействия различным проявлениям экстремизма — политического, религиозного, социального, культурного, а также других разновидностей этого противоречивого и крайне опасного общественного феномена.

Приведенный тезис актуализируется в связи с политической дестабилизацией в последние годы в ближнем зарубежье, что существенно

подорвало поступательное развитие политического процесса практически во всех независимых государствах СНГ. Отметим, что системные кризисы властных отношений в странах постсоветского пространства сопровождались массовыми молодежными протестами в их неконвенциональных и нелегальных формах. При этом всплески экстремизма в политике стран ближнего зарубежья примерно совпадают по времени со сменой поколений и ротацией «политического класса» постсоветских социумов.

В связи с этим требуют адекватного подхода накопившиеся проблемы политики обеспечения безопасности Российской Федерации, имеющие тенденции к нарастанию в условиях наложения друг на друга нескольких конфликтных ситуаций — начиная с глобальной пандемии и заканчивая военно-политическим кризисом вокруг Украины. Воздействие указанных проблем на политические отношения в современной России сопровождается такими факторами, как неустойчивость социальной опоры гражданского общества, деиндустриализация постсоветской экономики, несовпадение корпоративных интересов политических элит и стратегических национальных интересов.

На этом фоне стало реальностью снижение количества молодых людей в структуре населения Российской Федерации, что закономерно ведет к спаду значения молодой семьи как основной ячейки общества, снижает возможность восполнения социально активных граждан. Одновременно сокращается демографический ресурс отечественной экономики, возрастает пенсионная нагрузка на продуктивные субъекты народного хозяйства, многие российские регионы переходят в категорию депрессивных, принципиально меняется этноконфессиональный состав населения столичных мегаполисов и муниципий российской провинции. Логично предположить, что описанные явления развивают в настроениях молодых людей пессимизм и безысходность, инициируя нигилистический подход к определению своего места в системе социальных взаимодействий.

Указанные факторы создают условия для воспроизводства экстремизма в политическом сознании. Официальные доктрины, определяющие параметры защиты национальной безопасности России, подтверждают опасность нарушения гражданского мира, появление новых вызовов государственному суверенитету, риски межэтнических и межрелигиозных конфликтов.

Сущность политического экстремизма заключается в его противоречивой, амбивалентной природе, поэтому субъектный состав экстремистских движений все чаще формируют акторы, еще не столь давно отличавшиеся идейно-политической индифферентностью. В ус-

ловиях постиндустриального социума одним из основных источников социальной напряженности и неконвенциональной общественной активности могут выступать неформальные группировки молодых людей, возникающие по принципу принадлежности к молодежным субкультурам. Сегодня ситуация такова, что именно через внешне аполитичные субкультурные группировки происходит популяризация в молодежной среде идейных воззрений, имеющих антигуманную направленность и культивирующих различные вариации насилия. На наш взгляд, распространение ряда молодежных субкультур может способствовать воспроизводству экстремистских проявлений в условиях перманентной напряженности в сфере политических отношений. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что гражданское общество в его отечественном варианте не способно самостоятельно ограничить появление деструктивных молодежных субкультур как одного из источников экстремистских проявлений в политическом процессе. Подчеркнем, что в качестве опасных для национальных интересов следует воспринимать далеко не все субкультурные молодежные агрегации, а только те из них, что имеют деструктивную и асоциальную направленность.

Термин «субкультура» заимствован современной политической наукой из области социологических дисциплин. Под данной дефиницией принято понимать отдельные сегменты устойчивых культур этнического, национального, социального происхождения, которые отличает наличие определенной специфики тех или иных черт. При этом молодежную субкультуру рассматривают в качестве части целостного образования культуры, типичными параметрами которой признаются различные внешние формы: манера одеваться, поведение, ценностные ориентиры, жаргонная речь [4]. Один из наиболее важных признаков субкультуры — чрезмерное, всепоглощающее увлечение групповыми нормами, которые в значительной степени определяют индивидуальное социально-политическое сознание приверженцев той или иной субкультуры. Тем самым ее адепты морально подготавливаются к нарушению естественных для любого социума табуированных правил, которые на протяжении многих поколений служили инструментом поддержания общественной стабильности.

В науке отмечается, что групповая идентификация особенно актуальна в условиях эпохи постмодерна, которая отличается эрозией социальных связей и подрывом социальной солидарности и этического контроля. Критическое восприятие существующей идеологической и политической реальности многими молодыми людьми во

многим предопределяется кризисом мировоззрения и культурной принадлежности, характерном для обстановки общества постмодерна. В Российской Федерации ситуация усугубляется затянувшимся идеологическим вакуумом, который возник после официального отказа от коммунистического учения и не был преодолен за весь постсоветский период.

Сегодня в мировоззренческом пространстве страны происходит интенсивная борьба различных идеологических концептов — от либеральных, до традиционалистско-консервативных и лево-патриотических. Однако различные группы российской молодежи в своем большинстве весьма индифферентны относительно идейно-политического контекста наиболее известных в современной России концептуальных разработок. На наш взгляд, дело в том, что популяризаторы современных идеологических учений не предлагают обоснованных подходов к решению судьбоносных проблем российской государственности как в области внутренней политики, так и в сфере международных отношений. В свою очередь, намерения части «политического класса» предложить общественному мнению некий гибридный проект общероссийской идентичности имеет следствием скорее реставрацию охранительно-консервативных представлений, которые уже способствовали отторжению молодежи от начал отечественной государственности и радикализации ее политических предпочтений более столетия тому назад [5].

В постиндустриальном социуме множится количество деструктивных субкультур, отличительными признаками чаще всего называют завышенную групповую самооценку, оправдание корпоративной исключительности; подавление индивидуальных интересов; культ асоциального самовыражения; отчуждение от прежнего социального окружения, противопоставление своей группы доминирующей общественной морали и существующим публично-правовым институтам. На основании проведенного анализа наиболее релевантным представляется определение деструктивной субкультуры как образа жизни и поведения индивидов или социальных групп, нацеленных на разрушение ключевых компонентов психики, системы межличностных и социальных коммуникаций или объектов окружающего социума [6]. В контексте данного исследования интерес вызывают прежде всего те признаки деструктивной субкультуры, которые определяют ее нацеленность вовне — на подрыв социальных взаимодействий и объектов.

Вместе с тем вовлечение различных сегментов молодежной среды в современные субкультуры отличается от ситуации, наблюдавшейся во

времена позднего СССР и в 1990-е годы. Если на рубеже XX—XXI столетий молодые люди были более последовательны и безапелляционны в своем погружении в нормативную среду интересующей субкультуры, то сегодня приобщение к таковым нередко имеет фрагментарный характер. Современный молодой индивид гораздо более инфантилен и ориентирован на постоянную мимикрию своих духовных запросов и предпочтений.

Культ социальных сетей и обязательность присутствия в интернет-пространстве позволяет регулярно обновлять свою принадлежность к конкретной субкультуре, в том числе и на условиях практик анонимности и мистификации. В то же время приобщение к сети «Интернет» облегчает пополнение рядов молодежных субкультур в дистанционном формате и в режиме реального времени. Таким образом, подтверждается мнение российских политологов о наличии не только позитивных, но и негативных последствий со стороны информатизации российской и мировой политики [7]. Возможность информатизации равным образом может быть использована и для противодействия распространению деструктивных молодежных субкультур, и для их популяризации. В контексте нарастания политического радикализма достижения информационной революции позволяют молодым людям знакомиться с деструктивными социокультурными практиками часто без установления прямого вербального контакта с их носителями. Тем самым могут камуфлироваться истинные намерения распространителей асоциальных воззрений и ретушироваться их реальный образ как приверженцев идейного нигилизма и неупорядоченного насилия.

Необходимо учитывать, что далеко не всякая молодежная субкультура может выступать источником экстремистской активности и трансформироваться в субъект радикальной политической направленности. В то же время не вызывает сомнений, что в условиях значительного социального и культурного расслоения российского общества размежевание по принципу социокультурной принадлежности молодых людей будет выступать еще одним фактором социально-политической конфликтности. Подобным образом пребывание в ареале внимания какой-либо обскурантистской субкультуры приобщает молодежь и подростков к негативному, враждебному методу восприятия представителей иных воззрений и традиций самовыражения. В результате в российском обществе формируется еще одно конфликтное поле, которое обостряет взаимоотношения между молодым людьми и старшими поколениями, между молодежной агрегацией и публично-политическим сектором, а также раскалывает собственно молодежную среду

не только по социально-классовому и идеологическому принципам, но и в зависимости от принадлежности к каким-либо социокультурным группировкам.

В связи с этим представляется необходимым классифицировать наиболее известные радикальные субкультуры российской молодежи на предмет их потенциальной возможности выступать в качестве источника экстремистской активности. Российские ученые выделяют определенные типы деструктивных молодежных субкультур, активно проявляющих себя и имеющих поклонников среди различных категорий молодежи. По мнению М.А. Швецово́й и К.Р. Мориной, в России наиболее активны криминально-делинквентные, эскапистские, анархо-нигилистические, экстремальные, гедонистическо-развлекательные, аутоагрессивные разновидности деструктивных субкультур среди молодежи [8]. Приведенная типология дополняется в работах А.В. Толстых, который аргументировал типологию молодежных субкультур вне зависимости от их конструктивной или деструктивной направленности. Он предлагает выделять следующие субкультуры: политизированные, эколого-этические, нетрадиционные религиозные, радикальные, субкультуры образа жизни и субкультуры так называемой «золотой молодежи» [9].

При определенной незавершенности приведенных попыток классификаций предпочтений российской молодежи отметим, что политизированное выражение может приобретать только меньшая часть из перечисленных типов. Это прежде всего анархо-нигилистические (М.А. Швецова, К.Р. Морева), а также радикальные и нетрадиционно религиозные (А.В. Толстых) разновидности молодежных субкультур. Именно на их основе, по нашему мнению, способен формироваться идейный фундамент экстремистских проявлений в политике. Особенностью названных категорий будет являться способность проявлять себя как в периоды эскалации, так и во время стабилизации политического процесса. Иными словами, нигилистические, нетрадиционно религиозные и радикальные субкультуры оказываются способны предоставлять в распоряжение экстремистских организаций не только «политическую пехоту», но и подготовленных лидеров и пропагандистов, нацеленных в том числе и на развитие идейных антиобщественных постулатов. В свою очередь, некоторые другие деструктивные социокультурные варианты, прежде всего криминально-делинквентные и экстремальные, могут служить преимущественно дополняющим, вспомогательным элементом политического экстремизма, который примыкает к радикальным движениям уже в ходе начавшихся кризисных событий.

Таким образом, дальнейшее развитие некоторых субкультур российской молодежи так или иначе способно оказывать влияние на воспроизводство политического экстремизма в постсоветской России. В условиях патриотического подъема, охватившего российское общество после начала Специальной военной операции против киевского националистического режима в феврале 2022 г., политическая система и гражданское общество страны получают новую возможность активизировать созидательный потенциал российской молодежи в социально-политических процессах. Тем самым повышается значимость молодежной политики государства в деле полноценной политической социализации молодых поколений, способной поставить надежный барьер возрождению политического радикализма и экстремизма.

Библиографический список

1. *Ефанова Л.Д.* Движение «желтые жилеты» во Франции: проблемы, причины, перспективы // *Управление*. 2019. № 2. С. 133–138.
2. *Гаджиев К.С.* О бунте против истории в США // *Власть*. 2021. Т. 29, № 3. С. 9–18.
3. *Цыбаков Д.Л.* Современный милитаризм и международный терроризм: практические комбинации в полицентричном мире // *Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право*. 2019. Т. 9, № 3. С. 104–109.
4. *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. М., 2000.
5. *Русакова О.Ф., Русаков В.М.* «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // *Дискурс-Пи*. 2017. № 1. С. 61–71.
6. *Низиков М.А., Савченко В.М., Федак Е.И.* Деструктивные субкультуры // *Мир образования – образование в мире*. 2009. № 2. С. 11–17.
7. *Меркулов П.А., Цыбаков Д.Л.* Информатизация мировой политики: сущностное выражение и практические результаты // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015. Т. 10, № 6. С. 89–96.
8. *Швецова М.А., Морина К.Р.* Методы противодействия молодежным деструктивным субкультурам // *Интерактивная наука*. 2021. № 2. (57). С. 33–36.
9. *Толстых А.В.* Подросток в неформальной группе // *Психология развития: хрестоматия* / под ред. А.К. Болотовой, О.Н. Молчановой. М., 2005.